

4. Соглашение между Правительством Ставропольского края, территориальным объединением Федерации профсоюзов Ставропольского края и региональным объединением работодателей Ставропольского края «Конгресс деловых кругов Ставрополья» на 2010-2012 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Соглашение между Правительством Ставропольского края, территориальным объединением Федерации профсоюзов Ставропольского края и региональным объединением работодателей Ставропольского края «Конгресс деловых кругов Ставрополья» на 2013-2015 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Закон Ставропольского края «О краевой трехсторонней комиссии» от 10.10.2000 №48-кз. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Закон Ставропольского края от 24.12.2010 №109-кз «О Программе социально-экономического развития Ставропольского края на 2010-2015 годы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 316.422.6

Лушников Дмитрий Александрович

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНЗИТА СОЦИАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается место и роль дезорганизационных процессов в глобальных социальных изменениях, переходах от одного типа социальности и социального порядка к другому типу.

Ключевые слова: социальная дезорганизация, модернизация, индустриализация, антимодерн, глобализация.

Lushnikov Dmitry A.

ROLE OF SOCIAL DISORGANIZATION IN SOCIALITY TRANSIT

The item offers a view on the place and role of disorganized processes in global social changes; shifts from one type of sociality and social order to another.

Keywords: social disorganization; modernization; industrialization; anti-modern; globalization.

Историко-социологический анализ процессов модернизации как перехода от традиционного общества к индустриальному позволяют утверждать, что механизмы становления нового социального порядка, нового типа социальности являются дезорганизующими по отношению к традиционной социальности. С позиции диахронического анализа данное предположение являет некую эволюционную закономерность, наблюдаемую в период фазисных переходов от одного типа социальности к другому.

Но «уходящая» социальность, не уходит окончательно, она всегда оставляет за собой полуоткрытую дверь, как некую возможность возвращения. Элементы традиционной культуры и традиционного общества еще длительное время сосуществуют с индустриализмом, часто вступая с ним в конкурентные отношения или плодотворное сотрудничество и кооперацию. Они не только являются стабилизирующим фактором в период глубоких социальных изменений, но и содержат мощный дезорганизационный потенциал, который может быть реализован в проектах архаизации или социальной утопии и быть перманентной угрозой существованию общества. О. Конт писал о реальности опасности, которую представляют сохраняющиеся элементы теологической и метафизической фаз интеллектуальной эволюции в фазе утверждающегося позитивистского мировоззрения. Наблюдается своеобразное сосуществование и борьба «структуры» и «антиструктуры» (В. Тернер). А. Тойнби в своем фундаментальном труде «Постижение истории» подчеркивает гибельность проектов архаизации общества, социальный регресс неизбежно дезадаптировал социальную систему к меняющимся условиям внешней среды, неизбежно приводя ее к дезорганизации и/или распаду.

Сама утверждающаяся социальность способна продуцировать элементы самоотрицания. У. Бек говорит о «антимодерне» как не о чем-то старом и вневременном, но и представляющим собой проект и продукт модерна, как «продуцируемая и могущая быть продуцируемой несомненность». «Иными словами, упрощая до крайности весьма тонкое рассуждение Бека можно сказать, что если модерн – это рассудок и рассудочная рациональность, то антимодерн – это сильные чувства (любовь, ненависть, страх), сознательный выбор инстинктивного, активного поведения, восстановление ритуалов, табу, традиций, новое освящение расколдованного мира и новая вражда и ставка на силу там, где победила идея разумного разговора и договора... Нечто отчасти сходное фиксирует, хотя и в ином контексте, М. Маффесоли, говорящий о «чудесном», «божественном» социальном... Маффесоли также одним из первых начинает говорить об образовании неоплеменных общностей» [1, с. 20].

Согласно И. Ф. Девятко, «антилиберализм, антимодернизм, критика цивилизации, эстетика «героического» и политическая метафизика «нового язычества», зовущие к воссозданию иерархического и недемократического «органического» общества на почве принципиально партикуляристской Kultur – это признаки возрождающегося время от времени интереса к новым версиям той специфической смеси социальной теории и политического мифа, которую часто обозначают термином «консервативная революция» [2, с. 23].

Антимодернистский компонент всегда сопутствовал грандиозным модернистским социальным проектам XX века. Он в определенной мере подпитывал идеологии большевизма и нацизма. Традиционное общество как бы на время брало свое, реанимируясь в квазиплеменной общности «арийцев» или «сословно-слоевой стратификации» советского общества, колхозной системе как своеобразного аналога традиционной русской общины или даже системы сельского хозяйства раннеземледельческих государств дворцово-храмового типа и т.д. Масштабные социальные проекты XX века являлись своеобразной попыткой осуществить самобытную модернизацию с помощью наиболее привлекательных элементов традиционализма, использовать его цивилизационную инерцию, историчность.

Однако и такой фундаментальный механизм социальной дезорганизации как регресс не всегда влечет исключительно негативные следствия. Сопутствующий процессам становления нового типа социальности, регресс является необходимым источником социокультурных инноваций. По мнению С. Эйзенштейна, интерпретируемому Вяч. Вс. Ивановым, форму в искусстве задает тенденция к регрессу, то есть опора на апробированные сюжетные образцы, содержание которых дает тенденцию к прогрессу.

Победа модернизации над традиционализмом оказывается номинальной и является скорее скрытым компромиссом, основанным на очевидности взаимосвязи и взаимозависимости. Появление элементов постматериалистической мотивации и постматериалистических ценностей рассматривается современными социологами как один из важнейших факторов, без которого дальнейшее развитие современного постиндустриального общества оказывается просто невозможным. Однако появление новых мотиваций и ценностей, соответствующих современной социальной организации, – это не столько генезис чего-то принципиально нового, сколько использование авторитета и ресурса традиционной культуры. Согласно Ф. Фукуяме, либеральная демократия, возникающая в «конце истории», не является исключительно порождением модерна и «современной» в полном смысле этого слова. Эффективность институтов демократии и капитализма определяется спецификой сосуществования с досовременными культурными устоями.

Выталкивая традиционализм на обочину социокультурной жизни, модернизация сама стала объектом леворадикальной и позже постмодернистской атаки на все ее фундаментальные принципы, в конечном итоге, победа модернизации и модернистского мировоззрения оказалась «пирровой». Идеология постмодернистской деконструкции вполне может быть рассмотрена как идеология дезорганизации, разрушения структурирующих оснований проекта модерна.

Конечное, доведенное до логического завершения следствие апробирования методологии деконструктивизма, выражающееся в «сворачивании», «дезорганизации» модернистского проекта, предполагает и вполне закономерную деконструкцию и «идеологическую смерть» своих адептов.

Постмодернизм является идеологией болезненного социокультурного транзита, но, пожалуй, не станет идеологией его конечного состояния.

Дезорганизационная стратегия на макроуровне современной социальности проявляется в глобальных процессах современности, как в действиях иницилирующих акторов, так и в деятельности оппозирующих и открыто конфликтующих. Конфликт глобального и локального представляется как конкурирующие стратегии системного выживания.

Глобализацию с позиции системного анализа можно рассматривать как межсистемный самоорганизационный и организационный процесс, в котором социальные системы объединяются в систему более высокого уровня. Одна из основных причин глобализации видится в необходимости адаптации социальных систем к внешней среде при сужающейся ресурсной базе, существующих способах хозяйствования, распределения и потребления. Наблюдаемое системообразование в истории человечества, безусловно, уникально, но все-таки имеет свои аналоги в истории и обычно является предвестником экологического кризиса. В данном аспекте глобализация предстает как межсистемная интеграция, имеющая целью оптимизацию использования реальных и потенциальных ресурсов, при растущем потреблении и ограниченных возможностях экспансии во внешней среде.

Условием селекции стран-претендентов в мировую систему выступает эффективное функционирование социальных институтов и организаций, детерминирующих эффективную деятельность экономических институтов. В мир-системном анализе И. Уоллерстайна доминирование экономических факторов над политическим контролем является важнейшим признаком мир-экономических систем. Данный марксистский, по сути, подход может быть вполне подкреплён положениями, выводимыми из анализа динамики популяций.

Пожалуй, следует согласиться с тем, что развитие неэкономических институтов развитых стран во многом продиктовано необходимостью обеспечения ускорения интеграционных процессов в экономической сфере.

Наблюдаемые нами глобализационные процессы носят амбивалентный характер. Сетевой, децентрализованный характер многих изменений задает конъюнктуру исследовательских программ. Отсюда акцентирование открытости, универсализации и интернационализации происходящих изменений, отражающееся на социальной прогностике и футурологии становящегося типа социальности. Глобальное сообщество будущего описывается в терминах технологизированной версии Дж. Оруэлла (при подчеркивании тоталитарного характера идеологии и практики глобализации), или, например, как мир универсализирующихся, «общечеловеческих» неолиберальных ценностей западной цивилизации.

Но вполне допустимой альтернативой существующим теоретическим построениям может быть теория глобализации как теория самозакрывающегося постиндустриального общества, несмотря на то, что постиндустриальное общество как тип социальности в социальной теории, так или иначе, описывается в терминах открытости.

Структурирование новой глобальной системы иерархично, как иерархично любое структурирование, даже если система является абстрактной. Поэтому нет оснований обманываться децентрализованным характером многих происходящих процессов и явлений, забывая о принципах кибернетической иерархии и информационного обмена.

Повышение исключительно системной открытости вовсе не является следствием глобализационных процессов – закрытость в данном случае более значимая и перспективная цель системного выживания. Именно за счет закрытости страны центральной зоны глобализации, подобно высокоранговым, престижным социальным группам, превращающимся в социальную клаузулу, пытаются сохранить собственные жизненные шансы. И принципы закрытости, выражающиеся в селекции претендентов, контроле за динамикой и уровнем социальных преобразований в данных обществах, социально-политическом и экономическом давлении на неконформистов осуществляются в стратегии централизованных «наднационально-государственных» образований: МВФ, ВТО, МБ, НАТО, ЕС и др.

По мнению К. Мэрфи, Б. Ю. Кагарлицкого и других критиков концепции «управления развитием», сверхцентрализованность и амбивалентность методов глобального управления сама по себе может стать фактором дестабилизации мировой ситуации.

Универсализация массовой культуры оказывается мощным инструментом социального влияния. Критика универсализации и типизации культурных образцов в концепциях «американизации», «вестернизации», «макдонольдизации», например, в европейских странах центральной зоны глобализации, зачастую противоречит тем критериям анализа и принципам селекции, которые данные сообщества принимают в отношении других незападных стран полупериферии и периферии. Возможности культурного влияния как социального влияния используются странами Центра глобализации не только в качестве механизмов частичной, промежуточной ассимиляции и селекции в клуб «золотого миллиарда», но и как механизмы социального контроля за уровнем конформности сообществ, не входящих в центральную зону глобализационных процессов. Во многом именно поэтому современная массовая культура является одним из основных объектов критики и атаки антиглобализационных движений в незападных обществах, остро чувствующих изъяны политики двойных стандартов.

Подобно глобализации антиглобализм также может быть обозначен как определенный вариант дезорганизационной стратегии системного выживания, то есть стратегии выживания за счет гибели другого, за счет разрушения вовне. Хотя методы, используемые социальными движениями, относящимися к эклектичной категории «антиглобализационное движение», от экологических и феминистских движений до радикальных фундаменталистских движения в исламе существенно отличаются в тактике, но стратегически демонстрируют определенные общие черты, отчетливо выделенные У. Беком. Конечно же, в большей степени это относится к радикальным экстремистским движениям. Именно они акцентируются на самых болезненных и противоречивых аспектах модернизации и глобализации.

Системной телеологией радикального фундаменталистского движения в современном исламском мире является не достижение системного равновесия посредством самоизоляции отдельных исповедующих ислам сообществ, а объединение их в систему более высокого уровня – мировое исламское государство. Средства достижения цели, которые используются исламскими радикалами, реализуются в воздействии на институты, которые относятся к институтам глобальной интеграции. Стимулируя процессы самозакрывания социальных систем западных обществ, а также стран полупериферии глобализации, в том числе и России, исламские радикалы стремятся затруднить, свернуть интеграционные процессы, ставя под сомнение как саму концептуальную схему глобализации по вектору центр – периферия, так собственно их локализацию.

Что же является глобальной системной целью радикального исламского сообщества? В первую очередь, это победа в системной борьбе за региональные и мировые ресурсы, пересмотр складывающейся «глобальной социальной макроструктуры» и мировой системы разделения труда, где им отведена далеко не ведущая роль. Во вторую очередь, это формирование социальной системы более высокого уровня, то есть альтернативный проект глобализации. Таким образом, антиглобализм в своей радикальной редакции может рассматриваться и как дезорганизационный проект агрессивных аутсайдеров, пытающихся не допустить структурирования новой глобальной общности и как альтернативный проект глобализации, основанный на ценностях традиционного общества как вариант архаизации.

Можно говорить об общем и особенном в телеологических основаниях идеологии антиглобалистских движений:

- в странах центральной зоны глобализации, данные движения выдвигают вариант локального существования, акцентируясь на негативных последствиях глобализации для национально-государственных объединений;
- в странах полупериферии данное требование подкрепляется негативным восприятием принципов селекции и уровнями допуска, устанавливаемых «Центром», именно они, зачастую, выступают основным объектом критики;
- для стран периферии все вышеперечисленное зачастую дополняется, либо заменяется альтернативным глобализационным проектом.

Эта весьма условная типизация похожа скорее на психические реакции индивида во времени на трудности или невозможность достижения значимой терминальной ценности, чем на независимую позицию бесстрастного наблюдателя, индифферентно к ней относящегося.

Методы, используемые антиглобалистами, вполне вписываются в дезорганизационную стратегию. Это и дезадаптация стран Центра за счет увеличения агрессивности и давления внешней среды и дезинтеграция – попытки добиться раскола в надгосударственных объединениях, инициированных странами Центра и используемых ими как модели социальных отношений в глобальном сообществе (например, международная коалиция сил в Ираке, НАТО и т.п.).

Глобализация сама по себе в процессе развития генерирует элементы самоотрицания, подобно тому как модернизации сопутствуют возможности контрмодернизации и «консервативной революции». Уникальные условия для свободного обмена идеями и символами, создаваемые процессом глобализации, нередко приводят к возникновению весьма неожиданных политических констелляций и групп интереса, использующих для своей легитимации антиглобализационные проекты в духе «консервативной революции», либо фундаменталистской архаизации.

Уровень активности и массовизации антиглобалистского движения (особенно в странах периферии и периферии), так или иначе, будет продолжать демонстрировать зависимость от динамики вхождения современной мир-экономической системы в фазис экологического кризиса.

В теориях глобализации так или иначе подчеркивается, что в авангарде глобальных процессов идет экономическая сфера жизни общества, приобретающая в новых условиях универсальный, транснациональный, надгосударственный и в целом, доминантный характер. Дезорганизационные стратегии и тактики в экономической сфере весьма разнообразны, мы остановимся на одном аспекте, в котором могут сходиться интересы как инициаторов и адептов глобализации, так и их оппонентов. Складывание системы своеобразного «дезорганизационного управления» демонстрирует как элементы структуры и антиструктуры могут войти в функциональную зависимость друг от друга.

Происходит своеобразная «капитализация», конвертируемость неконтролируемых и неуправляемых «мировым сообществом» явлений и процессов. Возможности вносить в экономическую деятельность элементы непредсказуемости сулит суперприбыли, несравнимые как с доходами, получаемыми за счет легальных экономических практик, так и «традиционных» нелегальных.

«Капитализация неконтролируемости и неопределенности» детерминирует появление особых экономических стратегий и практик, скрывающихся за масками тактических акторов, в большинстве своем декларирующих неэкономичность своих социально-политических и культурно-религиозных целей. Вполне возможным в данной перспективе представляется совпадение интересов международного террористического движения и спекулятивных игроков рынка. Таким образом, в противоположность социально-экономическому управлению как целенаправленной организационной деятельности происходит генезис системы антиструктурных альтернативных экономических практик, основанных на дезорганизационных методах.

Возможность появления относительно устойчивой системы теневого «дезорганизационного управления» конечно же, покажет время. Можно лишь очертить некие контуры этого предполагаемого явления, подобно терроризму использующего основные инновационные характеристики современного общества в качестве его же «слабых мест» (например, сетевую организацию, манипуляцию массовым сознанием посредством масс-медиа и т.д.).

Вышеизложенный теоретический анализ позволяет утверждать, что дезорганизация есть универсальное средство/метод и механизм транзита от одного типа социальности к другому, что, несомненно, являет собой закономерность, проявляющуюся в основании происходящих в современности глобальных процессов. Инверсивные особенности социальной дезорганизации проявляются в ее особой, зачастую определяющей роли, которую она играет при формировании контуров нового социального порядка.

Литература

1. Филиппов А. Ф. Теоретическая социология / Теория общества. Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 1999.
2. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.